

отношении зависеть от помещика. Таков был путь создания крестьянской зависимости, которую можно условно назвать «присельничеством»⁴¹.

Остается не совсем ясным, насколько широк был этот путь, но объяснение его специфики, на мой взгляд, может быть найдено. В XI в. и в первой половине XII в. правительство старалось не упускать из-под своего контроля общину — опору государственного финансового режима. Естественно поэтому, что оно стремилось предоставить в распоряжение феодалов лишь бесполезных с точки зрения казны крестьян, «не имеющих своей земли» (μητὴ γῆν ἰδίαν ἔχοντες) и «неизвестных казне» (τῷ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί), которые появились в результате разложения общины. Эта практика наложила свой отпечаток и на характер византийского иммунитета. Решившись даровать динатам бедняков, государственная власть одновременно отказывалась от каких-либо прав на этих людей. Таким образом, крупным земельным собственникам предоставлялась полная свобода действий; в отношении своих присельников они становились обладателями самого широкого иммунитета. Однако правительство строго следило за тем, чтобы число крестьян у феодалов не превышало установленной нормы. Таким образом, предоставив чрезвычайно широкие иммунитетные права помещикам над определенной категорией крестьян, государство в то же время сильно ограничило эти права по отношению к остальным категориям подвластного феодалу населения⁴².

Отмеченные явления, определившие своеобразие путей формирования зависимого крестьянства в Византии, обуславливались, однако, не только интересами государства. Византия до XIII в. не знала крепостной зависимости. Тем более важными становились для феодалов средства экономического принуждения. Система, когда безлошадный и безземельный крестьянин долгое время пользовался господским скотом, а также инвентарем и семенами помещика, находясь от него в хозяйственной зависимости, как нельзя лучше отвечала интересам феодалов в сложившихся условиях. Именно в силу этих причин в сфере поземельных отношений в империи так долго господствовала система присельничества, требовавшая, чтобы в господских поместьях всегда имелась свободная земля для будущих поселенцев.

Несомненно, в стране существовали типы вотчин и другой внутренней структуры. Таким типом была в частности деревня, зависимость которой возникала из права помещика на сбор ренты. В такой деревне феодал не вмешивался в сложившиеся земельные отношения, не ломал создавшегося крестьянского хозяйства и, по крайней мере, на первых порах, не менял традиционной системы обложения. На мой взгляд, под категорию подобного типа вотчины подходят и патронируемые феодалом деревни, и ἀρτιφύρος, и главное — пронии⁴³.

⁴¹ М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне... стр. 123—127.

⁴² М. М. Фрейденберг. Экскурсия, стр. 362 сл. Именно последнего обстоятельства и не замечает Э. Франчес, доказывая, что феодалы и в XIV в. платили судебные штрафы в казну (см. рецензию на мою работу «Экскурсия...» в «Studi» Revistă de istorie. București, 1960, № 1, str. 233). Верно, платили, но, повторяю, за тех зависимых крестьян, по отношению к которым они пользовались ограниченными правами. — А. П. Каждан, утверждая, что Новый монастырь на Хиосе, освобожденный в 1045 г. от посещения судебных чинов, оставался подсудным императору, обходит другой важный вопрос: кто же в таком случае становился судьей в отношениях монастыря и его крестьян? Дела Нового монастыря с соседями или с казной разбирали царские судьи, но своих-то крестьян монахи должны были судить сами. Так что всей полноты юрисдикции монастырь может быть и не получал (см. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 185—186), но зато он создавал свой собственный аппарат принуждения.

⁴³ М. М. Фрейденберг. Монастырская вотчина в Византии в XI—XII вв.